

"Студентов много, студенчества – нет"

"Учись, студент!" — завещал хулиган Федя главному герою в известном советском фильме "Операция Ы и другие приключения Шурика". И хотя в данном случае речь идет о некой житейской "мудрости" ("кто не работает, тот ест"), в этой реплике сохраняется представление о студенте как человеке, которому предстоит узнать еще очень и очень многое.

Между тем, российское студенчество за последние десятилетия претерпело ряд существенных изменений. О том, каких именно, и как это происходило, я решила расспросить преподавателя факультета свободных искусств и наук СПбГУ, а также – факультета истории искусств Европейского университета в Санкт-Петербурге, заведующего сектором истории и теории изобразительного искусства и архитектуры Российского института истории искусства Ивана Чечота.

— В университете я давно. Здесь учился на историческом факультете, куда поступил в 1971 году, здесь же начал преподавательскую карьеру (в 1976 году — прим. ред.). Конечно, за это время многое изменилось. Но что-то сохраняется. К примеру, возраст поступления студентов в высшую школу – 17-18 лет (вообще-то, для некоторых явно рановато). Не сильно колеблется и срок обучения в вузе — 4-6 лет (а не 7-8, которые давали бы более весомый результат). Не изменилось отношение к времени студенчества как к счастливому периоду, когда "все цветет", жизнь нравится и приносит удовольствие.

Мне не кажется, что в нашем обществе победило прагматическое отношение к образованию лишь как к средству, ведущему к конкретной цели (работа, деньги, социальное положение). Серьезное отношение в более идеалистическом смысле стало едва-едва заметно. Оно было в большей степени характерно для части студентов начала XX века.

Иногда советских студентов противопоставляют нынешним как якобы идеалистически мотивированных – прагматикам. Но, по моим наблюдениям, современные студенты – это, скорее, просто слабо мотивированные молодые люди.

— А такие качества, как прилежание, интерес к учебе?

— К сожалению, уровень прилежания неуклонно снижается. Само слово "прилежание" стало антикварным. Вместо "прилежных" теперь "активные", "мобильные". И связано это со снижающимся в последние годы уровнем требований. Отчасти это происходит из-за некой размытости представлений о том, что ныне нужно знать и уметь. Причем, мне кажется, что и сами преподаватели сегодня не имеют четкого ответа на этот вопрос.

Например, на факультете свободных искусств и наук, где я работаю, непонятно, готовим ли мы вообще студентов к профессиональной деятельности, и к какой — в частности. Ведь идеология либерального образования говорит, что мы готовим студентов к разнообразной, меняющейся жизни, и что поэтому, прежде всего, они должны быть гибкими. Но тогда непонятно, что студенты должны знать и уметь, кроме обладания способностью ориентироваться-приспосабливаться, кроме владения средствами добывания поверхностной информации.

Интерес же к учебе всегда зависит от личности. В старые времена была такая тема – "Учиться!". Сегодня она тоже есть, но на деле часто означает "приспосабливаться" и демонстрировать лояльность. Ну да, всегда находилась альтернатива – жениться. Кроме личной жизни, в прошлом мало что еще отвлекало. Политической жизни не было, за границу не ездили. Так что довольно многие были вынуждены учиться. Сейчас гораздо больше отвлекающих факторов, и труднее сосредоточиться на учебе.

Когда я учился, на моем "идеологическом факультете" некоторые студенты готовились к партийной карьере, но их было немного, примерно одна пятая-шестая часть. А остальные подобных целей не имели. В моей группе не смеялись, когда кто-то говорил, что нужно стать образованным человеком, или что на свете нет ничего интереснее учебы. Никто не делал ужимку: "А зачем?", что, по-моему, бывает сегодня, когда все чаще

возникает вопрос о цели: "А зачем быть образованным и знающим человеком?". Это ведь не гарантия того, что тебя возьмут на работу, что ты будешь счастливым. Раньше целевая установка не была для студентов такой отчетливой.

— Но, может, студенты стали внутренне свободнее?

— Если говорить о внутренней свободе, то я всегда думал, что она либо есть, либо ее нет, это также зависит от личности. Жесткого гнета в те времена, когда я учился, уже не было. Мне кажется, студенты и в прошлом были достаточно свободны, могли многое между собой обсуждать и смотреть на вещи критически — если у них, конечно, хватало для этого ума и внутренней свободы.

Чем отличаются современные студенты в этом плане? Они стали свободнее от вопросов о будущем, о том, кто они и к чему готовятся. "Работать? Где-нибудь буду, не в этой, так в другой сфере, не в России, так за границей, не пропаду..." Наверное, мысли о настоящем призвании их посещают и, быть может, мучают, но они этого не показывают.

В 70-е годы в значительной степени можно было быть свободным от идеологий. Сегодня же, как мне кажется, студенты делятся на "скорее правых" и "скорее левых", на "радикальных" и "либеральных", на "модных" или "антимодных". Четкой трендовой, идеологической закреплённости, которая навязывается молодым людям сейчас, раньше не наблюдалось: "Ты это слушаешь или не слушаешь?", "Я это никогда не смотрю!", "А у тебя где страничка — неужели там же, где у мамы?". Такого не было, и в этом смысле было больше свободы. Не приходилось думать, соответствуешь ли ты той или иной моде или интеллектуальной позиции. Все соответствовало какому-то расплывчатому понятию "советский студент", а далее делились на "общественников", карьеристов-конъюнктурщиков и на тех, кого теперь называют "ботаниками". Характерно, что слово "конъюнктурщик" ушло в тень, но многие понимают, что успеха в сегодняшнем смысле без приспособленчества не бывает. Но кто сказал, что все дело в "успехе", а не в том, чтобы прожить жизнь честно, порядочно, человеком добрым и со вкусом (в разных смыслах последнего)?..

— А перестроечное поколение, постперестроечное, нулевых, нынешнее — они как-нибудь отличались друг от друга?

— У меня ощущение, что больших событий в области истории студенчества в течение долгого времени не было. Мы проходили немалое количество сюжетов, связанных со студенческим движением XIX — начала XX века: бунты, демонстрации, кружки. Ничего такого не было ни в моей юности, ни потом. Нет и сейчас. Мое наблюдение такое: нет особенной, именно студенческой жизни — есть жизнь молодежная. Мне кажется, что нынешние студенты имеют самосознание "молодежь", точнее даже "молодые люди", так как "молодежь" звучит все-таки по-советски. Студенты осознают, что они именно молодые, не старые, не вчерашние, не позавчерашние, а нынешние и будущие.

Но я сомневаюсь, что где-то имеется какое-то студенческое самосознание, которое объединяет ребят из разных вузов, и понимание о том, что они обладают какими-то правами, целями и вместе являются силой. Если это и намечается в социальных сетях, так ведь это снова где-то, а не в университетских коридорах. Сегодня, несмотря на весь тренд "юнисекс", размыто и представление о единстве студенток и студентов: они лишь формально принадлежат к единому студенчеству, и время учебы они переживают по-разному, и о будущем тоже думают по-разному.

— Вы сказали, что сейчас нет никаких студенческих движений. На ваш взгляд, почему? Ведь проблемы, которые волнуют, в том числе и молодых, в обществе есть...

— Думаю, это связано с размытостью мотивации — зачем вообще быть студентом. Нет единства и сверхзадачи. Как я понимаю, в XIX или в начале XX века была мотивация, связанная с некоторыми идеалами: служить родине, культуре, науке, Просвещению. Особенно это касалось университета. В университет шел тот, кто собирался в дальнейшем что-то исследовать либо преподавать. Советская мотивация наследовала эти идеи. Она рисовала роль студента, который готовился занять важные позиции. Не в бизнес-смысле, а в культурном плане. Сегодня же огромное разнообразие мотиваций — "я учусь для того, чтобы родители отстали", "я учусь, потому что все учатся", "я учусь, чтобы хорошо устроиться" и т.д.

Слабость мотивации связана также с омассовлением студенчества. У нас все становятся студентами. Я считаю, что студентов слишком много, что их должно быть меньше, что наряду с вузами должны существовать престижные средние специальные, профессиональные школы. Если студентов станет меньше, их консолидация возрастет, их место в обществе станет определеннее. Отсутствие единства и мотивации

лишает студенчество общественной роли. Какой силой оно является? Просвещения, наук? Нет! У нас это сила какой-то бытовой и семейной повседневности: Коля студент, и Машенька будет... Студент — это возраст, а не выбор, за редкими радостными исключениями.

— Получается, что, кроме отсутствия единой мотивации и наличия "веера целей", а также снижения уровня прилежания, современное поколение студентов больше ничем не отличается?

— Нет, оно, конечно, еще отличается более высокой информированностью и гораздо более высоким уровнем первоначальных знаний. Многие из современных студентов закончили прекрасные средние школы, каких раньше не было. Я бы даже сказал, что среднее образование сегодня выше по уровню, интереснее, чем раньше. У многих студентов действительно прекрасное среднее образование, они знают тот или иной иностранный язык, бывает, и два. Они уже несколько раз побывали за границей. И, конечно, у них есть всякие технические средства, которых раньше не было: учись — не хочу!

С одной стороны, это очень хорошо. Но всякая палка о двух концах. Если я знаю английский язык, не дурак, и у меня мобильный компьютер-телефон-камера, то я уже очень хорошо могу идти по жизни — при условии установки на общение, которое сегодня как категория является царицей культуры. Правда, как показывает опыт, общение и учение — вещи хотя и связанные, но в глубине своей разные.

Недостатком доступности информации и установки на общение как среду учения является то, что сегодня очень мало студентов, которые способны добывать знания и умения вне общения и вне электронных сетей. Сегодняшние студенты, к примеру, бывают удивлены, когда я не выдаю им распечатки. Говоришь студенту, что он должен бы сходить в библиотеку. И тут начинаются трудности. Образование требует принесения в жертву времени и общения, а "в читальном зале душно", там сидят пожилые неинтересные люди. Нет спору, Интернет — отличная штука, но думаю, что он — только ориентировочное средство, подспорье в работе с книгой и другими чувственно осязаемыми средствами образования. Прочитанное и увиденное на экране слабо запоминается вследствие своих сенсорных особенностей. Полная передача функции памяти машинам означала бы оскотление разума, лишение его индивидуальности, субъектности, и тем самым — конец образования как культурной формы.

— А если говорить конкретно об искусствоведении, меняются ли как-то студенческие интересы?

— Опять же, эти изменения отражают перемены в культурных акцентах. Ну да, раньше меньше (зато интенсивнее, с риском) интересовались "авангардом", превратившимся теперь как тема в модную вещь. Встречаются "подсевшие на советское" — для многих это тренд, гранты, международные конференции; но есть и искренние, с интересом к жизни и искусству родителей, дедов. В общем-то все, о чем у нас говорится в СМИ, отражается в тематике наших студентов-искусствоведов: главный художник — Фрида Кало, главная теоретическая проблема — кураторство, архитекторы — те, что получают прицкеровскую премию или право на строительство особняков в новой России. Но есть и "православные", и заглядывающие на Восток, особенно по прочтении книги Саида "Ориентализм". Первые где-то стесняются, где-то чувствуют себя на коне. Это зависит от учебного заведения. Низок интерес к классическим периодам и темам истории искусства, за исключением импрессионистов, которые по-прежнему любимы массовой студенткой второго курса. Студенты делятся сегодня на тех, кто читает умные книжки (обычно они написаны философами, филологами, психологами) и пытается применить их к темам искусства, и на тех, кто, как это было всегда, учится на искусствоведении, потому что это красиво.

20 лет я преподавал для студентов, которые собирались стать историками искусства. Последние же 20 лет я работаю с ребятами, большая часть которых вовсе не готовится стать искусствоведами, т.е. занимаюсь общим просветительством и эстетическим воспитанием. Практически в каждом вузе есть кафедра искусствоведения или нечто подобное, однако профессионалов в этой области становится все меньше и меньше — так же, как и желающих что бы то ни было серьезно исследовать. Молодые люди не хотят работать в музеях. Ни девушки, ни юноши. Причем, не из-за низкой зарплаты, а потому что в музеях сложилась определенная традиция, отчасти являющаяся продолжением советской: для молодых людей она нечто муторное, сонное, скучное.

В то же время, я не замечаю, чтобы какие-то молодые люди хотели писать об искусстве. Не в смысле обслуживания СМИ, а писать в журнал, писать книжку, брошюру, которые могли бы продаваться и покупаться любителями искусства. Зато есть значительное количество людей, которые рвутся в сферу так называемого современного искусства, имея довольно смутное представление о нем и о том, кем они в этой сфере могут быть.

Есть также категория молодых людей, в основном — девушек, которые воображают, что, если не в России, то на Западе уж точно при везении можно стать "галеристкой", как они это называют. Множество студентов желают оказаться при фондах и фестивалях, то есть работать в менеджменте культуры. Но активных среди них тоже очень мало. Я вижу тревожную ситуацию, особенно в нашем городе, который славится как "культурная столица". Старшему поколению некому будет передавать свои посты! Я не вижу достаточно ярких 20-26-28-летних молодых людей, которые хотели бы продолжать линию "искусствоведения". Может быть от того, что оно в кризисе или просто сходит со сцены по объективным причинам? Очень может быть...

Мой лучший ученик с факультета, любящий и знающий многое в искусстве, отправился в США изучать Петроградскую коммуны Северной области. Радостно сознавать, что мне и коллегам удалось передать ему пафос исследования. Но это исключение. Одно за десять лет!

Искусство находится в упадке — как новейшее, так и традиционное, как отечественное, так и западное. Нет новых идей, а силы служить старым идеалам иссякли, будь это даже недавние идеалы авангарда и революции 1960-х годов. Сегодня искусство — это сфера обслуживания масс и элит. Одним оно нужно для престижного развлечения, другим — для демонстрации силы и чтобы было, о чем интеллектуально потрепаться. Никаких возвышенных целей познания, постижения, жизнотворчества общество перед искусством не ставит. Отсюда понижение престижности всей этой сферы и уход наиболее активных сил в другие области.

— А что все-таки делать выпускникам-искусствоведам? Куда им можно устроиться после окончания университета и с какими трудностями они могут столкнуться?

— Вообще-то, они могут устроиться, куда захотят. Можно и в Эрмитаж, и в Русский музей, и в Государственный центр современного искусства. Можно пойти в аспирантуру, стать доцентом и профессором истории искусства в СПбГУ. Только никто не хочет!..

Наш факультет, например, тем и замечателен, что в качестве преподавателей здесь собраны люди в некотором роде ключевые. Нужно просто однажды сказать своему преподавателю: "Я стала вашей ученицей и теперь буду ею всегда. Я хочу идти профессиональным путем". Многие профессора готовы помочь и мечтают об учениках, о будущих коллегах...

— Такое впечатление, что вам сегодня менее интересно работать, чем 20 лет назад. Так ли это?

— Это ложное впечатление. Вообще-то работать просто с людьми, а не с будущими профессионалами, более интересно и по-человечески гораздо более ответственно.

Беседовала Светлана Абросимова

Автор: Артур Скальский © Росбалт ОБРАЗОВАНИЕ, МИР 3243 03.03.2013, 09:12 418

URL: <https://babr24.com/?ADE=112723> Bytes: 15799 / 15726 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)